

Александр СЕВЕНКО

Себенко Александр Викторович родился в 1972 году в городе Гродно. В 1995 году окончил Брестский политехнический институт, в 2002 году заочное отделение юридического факультета ГрГУ имени Янки Купалы с отличием, в 2010 году заочную аспирантуру ГрГУ имени Янки Купалы по специальности «Отечественная история», также получил высшее военное образование с дипломом с отличием. 25 лет посвятил службе в Вооруженных Силах Республики Беларусь. В 2006 – 2010 годах работал в должности заместителя декана на одном из факультетов ГрГУ. В настоящее время работает журналистом.

С ранних лет увлекается коллекционированием редких и старинных книг, регулярно организует букинистические выставки, сотрудничает с музеями города над Неманом и Гродненской областной научной библиотекой имени Е.Ф.Карского, с Национальной библиотекой Беларуси.

С начала 1990-х годов увлекается поэзией, пишет стихи в жанрах философской, пейзажной, любовной лирики, городской поэзии и других. В январе 2003 года под псевдонимом Андрей Владимиров впервые опубликовал два стихотворения в журнале «Немига литературная», в 2008-2009 годах трижды отметился на литературной страничке газеты «Гродзенскі ўніверсітэт», в 2011 – 2015 годы восемь раз – на поэтической странице издания «Белорусская военная газета. Во славу Родины». С 2008 года стихи Александра Себенко регулярно публикуются на литературном портале Стихи.ру и других сайтах сети Интернет.

С 2000 года Александр Себенко публикует также научные, научно-популярные и информационные статьи по краеведческой, исторической, военной и общественно-политической тематике в средствах массовой информации и научных сборниках, в том числе в журналах «Гродно» и «Твой город Гродно», «Армия», газетах «Гродненская правда», «Вечерний Гродно», «Звезда»,

«Народная газета», «СБ. Беларусь сегодня», «Белорусская военная газета. Во славу Родины», сборниках «Гарадзенскія чытанні».

В 2012 году Александр Севенко опубликовал научно-популярное издание (в соавторстве) «70 лет на страже Отечества: история и боевой путь 28-й общевойсковой Краснознаменной армии» (Гродно : Гродненская типография, 2012. - 255, [1] с.), в 2017 году научно-популярную монографию «Наследники славных традиций. К 75-летию 28-й общевойсковой Краснознаменной армии» (Гродно : Гродненская типография, 2017. - 255, [1] с.). В 2015 году Александр стал лауреатом II степени премии Министра обороны Республики Беларусь в области литературы и искусства за цикл исторических статей, посвященных 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Александр Севенко имеет государственные и ведомственные награды (медали), также за многолетнюю плодотворную деятельность награждался Почетной грамотой гродненского государственного университета имени Янки Купалы, грамотами Министра обороны Республики Беларусь и благодарственным письмом Министра информации Республики Беларусь, медалями и нагрудными знаками общественных объединений «Белорусский союз офицеров», «Белорусский союз ветеранов войны в Афганистане», «Белорусский славянский комитет», Коммунистической партии Республики Беларусь, нагрудным знаком Архистратига Божия Михаила на ленте Белорусской Православной церкви и многими другими наградами и поощрениями. Проживает в городе Гродно. Пишет на русском языке. Член Союза писателей Беларуси с 2021 года.

Алексей Никифорович Карпюк.

Памяти фронтовика

В год 75-летия Великой Победы и Малой родины каждый из нас вспоминает своих земляков, внесших вклад в Великую Победу. Символично, что именно в этом году, 14 апреля исполнилось ровно 100 лет со дня рождения участника Великой Отечественной войны и талантливого писателя, известного далеко за пределами Республики Беларусь – Алексея Карпюка.

Век с Карпюком

Алексей Карпюк (14 апреля 1920, д. Страшево Гродненской губернии, сейчас – Белостокское воеводство, Польша – 14 июля 1992, Гродно) – писатель и общественный деятель, участник белорусского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Награждён орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, медалями, а также правительственной наградой Республики Польша – золотым крестом Военного ордена «Виртути Милитари». Заслуженный работник культуры БССР (1980), лауреат Литературной премии Союза писателей БССР имени И. Мележа (1986) за книгу «Современный конфликт».

Алексей Карпюк родился в крестьянской семье, его отец был членом Коммунистической партии Западной Белоруссии. В 1934 году парень окончил 4 класса польской школы (семилетку), куда приходилось ходить за шесть вёрст. Ещё подростком Алексей вступил в комсомол Западной Беларуси, участвовал в работе Товарищества Белорусской Школы. В 1938 – 1939 годах он учился в гимназии в Вильно. Продукты присылали родители, а на учёбу юноша зарабатывал

сам: был посыльным в гимназии, разносил по домам молоко. После закрытия этого учебного заведения, в 1939 – 1941 годах, он продолжил учёбу в Новогрудском педагогическом училище, которое окончил как раз накануне войны. Потом были четыре долгих и тяжёлых года борьбы за свободу и независимость родной Беларуси.

После Победы Алексей Карпюк вернулся в Принёманье, где в 1949 году окончил отделение английского языка Гродненского педагогического института, ему было присвоено воинское звание лейтенант запаса. Алексей Никифорович работал в системе образования, был заведующим Сопоцкинско-го рона (1949 – 1951) и директором Бискупской семилетней школы Волковысского района (1951 – 1953).

Сражался с врагом, не щадя своей жизни

С первых дней Великой Отечественной войны Алексей Никифорович боролся с немецко-фашистскими захватчиками. Уже вскоре после начала немецко-фашистской оккупации он вошел в состав подпольной диверсионной группы. Во время одной из диверсионных операций на железной дороге в конце 1942 года будущий писатель был арестован и отправлен в тюрьму в Белостоке, а оттуда – в концентрационный лагерь Штутгоф. Осенью 1943 года Алексей Карпюк сумел бежать из лагеря и вновь принял участие во всенародной борьбе с захватчиками, уже в рядах партизан. В 1944 году он стал командиром партизанского отряда имени Кастуся Калиновского, который действовал на Гродненщине. Алексей Карпюк лично пустил под откос четыре вражеских железнодорожных состава, был награждён медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

1 ноября 1944 года военным комиссариатом города Гродно, несмотря на бронь, Алексей Никифорович в добровольном порядке был призван на службу в ряды РККА. С 1 января 1945 года он сражался на фронте. Наводчик 76-мм орудия 756-го стрелкового полка 150-й стрелковой Идрицкой дивизии 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта, красноармеец Алексей Карпюк участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками на территории Польши и Германии, штурмовал логово фашистского зверя – Берлин. Разведчикам именно этого, прославленного в боях, соединения было поручено водрузить Знамя Победы, когда 30 апреля 1945 года оно, совместно с частями 171-й стрелковой дивизии, штурмом овладело Рейхстагом. За взятие столицы Германии 11 июня 1945 года дивизия получила почётное наименование «Берлинской».

Алексей Карпюк гордился тем, что воевал в одном полку с Героями Советского Союза сержантом Михаилом Егоровым и младшим сержантом Мелитоном Кантария, которым довелось водрузить на купол Рейхстага Знамя Победы. Но сам он также являлся настоящим героем. Из наградного листа: «В наступательных боях при прорыве глубоко эшелонированной обороны противника 16 апреля 1945 года в районе Кунирсдорф, орудие прямой наводки красноармейца Карпюка точно било по траншеям противника и пулемётным точкам, скрытым в подвалах и домах, при этом было уничтожено семь пулемётных расчётов противника, 23 немецких солдата убито при отражении контратаки. На перекрёстке дорог у деревни Шульцендорф с помощью двух стрелков товарищ Карпюк выкатил своё орудие вперёд боевых порядков пехоты и с двух выстрелов подбил самоходное орудие противника, обстреливающее продвигающихся вперёд стрелков».

Алексей Карпюк боролся с врагом, не щадя своей жизни, был дважды ранен, в первый раз легко в феврале 1945 года, а второй раз тяжело, причём уже в завершающие дни войны, в конце апреля 1945 года. В итоге он стал инвалидом войны II группы. Приказом № 041/н по 79-му стрелковому корпусу 5 мая 1945 года от имени Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество красноармеец Алексей Карпюк был награждён орденом Великой Отечественной войны 2-й степени. В дальнейшем он стал и кавалером ордена Красного Знамени. А в 1980-е годы, в честь 40-летнего юбилея Великой Победы, ветерану-фронтовику и партизану Алексею Карпюку был вручён орден Великой Отечественной войны 1-й степени. Грудь фронтовика также украшала медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» и многие другие награды.

С любовью – о родной Беларуси

В литературе Алексей Карпюк дебютировал в 1953 году с повестью «В одном институте». В том же году он стал членом Союза писателей СССР. Алексей Никифорович работал в Гродненском пединституте (1953 – 1955), в областной газете «Гродненская правда» (1955 – 1957), был собственным корреспондентом газеты «Літаратура і мастацтва». В 1961 году он окончил Высшие литературные курсы в Москве. С 1961 года Алексей Никифорович возглавлял агентство «Интурист» в Гродно, с 1965 года являлся секретарём Гродненского областного отделения Союза писателей БССР, с 1970 – уполномоченным Всесоюзного агентства по авторским правам по Гродненской области.

Алексей Карпюк был одним из тех, кто создавал Гродненский государственный музей истории религии. Он же работал первым директором этого учреждения, возглавляя с 1977 по 1981 год Республиканский музей атеизма и истории религии в городе Гродно. В то же время талантливый писатель не оставлял занятий литературой и с 1978 года вновь стал секретарем Гродненского областного отделения Союза писателей БССР. Во второй половине 1980-х годов Алексей Карпюк принимал активное участие в общественной жизни города Гродно, проявил себя и как талантливый публицист.

Творчество Алексея Карпюка – это золотое наследие белорусской литературы, высокохудожественная хроника Западной Беларуси и Принёманского края, города Гродно. Среди произведений Алексея Карпюка: книги повестей и рассказов «Две сосны» (1958), «Данута» (1960), «Моя Гродненщина» (очерк, 1960), «Пущанская одиссея» (1964), «Чего мы стоим» (библиотека газеты «Голос Родины», 1970), «След на земле: Сокровища и достижения моей Гродненщины» (1972), «Вершалинский рай» (1974), «Ольга Корбут» (1977), «Свежая рыба» (1978), «Портрет» (1983), «Современный конфликт» (1985), «Две сестры» (сказка, 1986), роман «Корни» (1988). У 1991 году он написал повесть «Белая дама» о событиях белорусской истории периода Великого княжества Литовского. Избранные произведения в двух томах вышли в 1980 и в 1990 – 1991 годах, а также в 2007 году в серии «Беларускі кнігазбор».

В годы учёбы мне приходилось встречаться с писателем Карпюком, слышать его рассказы о войне, о красоте и славной истории белорусской земли, литературных героях и творческой биографии Алексея Никифоровича. На всю жизнь я сохранил впечатления о своём земляке как о принципиальном, честном и правдивом, увлечённом человеке, истинном патриоте нашего родного края.

В Ленинском районе города Гродно, в микрорайоне Заболоть-2 недавно именем Алексея Карпюка была названа новая улица. В 2019 году мемориальная доска авторства известного гродненского скульптора Владимира Пантелеева Алексею Карпюку была установлена на доме № 49 по улице Элизы Ожешко в Гродно, где он долгие годы проживал с семьёй.

Игрушки нашего детства

У каждого из нас сохранились самые теплые воспоминания о своих любимых игрушках. С ними во многом ассоциируется мир нашего детства. Игрушки известны человечеству с незапамятных времен. В древнем Гродно, как и везде, дети любили играть в игрушки. На Замковой горе найдены остатки игрушечных деревянных мечей и стрел, кораблика-лодочки из сосновой коры и другие любопытные артефакты. Богатым был мир белорусской народной игрушки. Ее покупали на рынке или изготавливали дома. Это были деревянные, глиняные и соломенные фигурки людей и животных, деревянная и гончарная игрушечная посуда, музыкальные инструменты, тряпичные куклы и многое другое. Вероятно, уже в XVIII веке у юных гродненцев из богатых семей появились художественно доброкачественные куклы-игрушки, в XIX столетии – первые оловянные солдатики, а в начале 1900 годов – плюшевые мишки. Фотографии начала XX столетия сохранили для нас изображения деревянных лошадок, кукол с фарфоровыми головами, пирамидок, кубиков и многих других игрушек.

Игра – дело серьёзное

Каждая эпоха вносила свои изменения, или, скорее, дополнения, в любимые детские игры. Больше всего мы знаем об игрушках советского времени. Это был период детства наших отцов и матерей, а кто-то и сам вырос в те годы. В СССР к игре относились со всей серьёзностью. Дети должны были играть в правильные игры и правильными игрушками. Еще в мае 1932 года был основан Всесоюзный научно-исследовательский институт игрушки в подмосковном Загорске с филиалом в городе Вятке. Это были единственные в мире научные учреждения такого профиля. Игрушки должны были выполнять не только развлекательную, но и обучающую, а также социализирующую функцию, быть идеологически выверенными, воспитывать поколение новой эпохи – строителей социализма и коммунизма. Через игрушки формировалось сознание детей, закладывались положительные образы советских людей различных профессий: защитников Отечества, рабочих, врачей и так далее.

Впрочем, много было и обычных игрушек, созданных по мотивам любимых сказок, мультфильмов и популярных детских книг. Это и Буратино с Мальвиной, и Чебурашка с Крокодилом Геной, и Чиполлино с Сеньором-Помидором, Кот в сапогах и многие другие игрушки, за основу которых были взяты любимые детские персонажи кино и литературы. Помню, как в продаже появилась игрушка, изображающая клоуна Юрия Куклачева с котёнком в руках. Она пользовалась спросом, поскольку, благодаря телевидению, Юрий Дмитриевич стал известным для детей человеком. Также производились всевозможные милые зверюшки и простые детские куклы.

Игрушки шагали в ногу со временем и техническим прогрессом, достижениями советской науки и народного хозяйства. Если в военные и первые послевоенные годы распространенными были фигурки красноармейца, моряка и санитарки, то во второй половине 1950-х годов, в хрущёвское

время, в магазинах продавалась игрушечная Царица полей – кукуруза с платочком на макушке. В 1960-е годы популярными были игрушки космонавтов и космических ракет, а в 1970-е и 1980-е – роботов и луноходов.

В областном центре Принеманья с самого конца 1950-х годов работала Гродненская фабрика детской игрушки и галантереи, ассортимент продукции которой также полностью соответствовал спущенным сверху высоким требованиям. Но эти требования были, как правило, продуманными, оправданными и, в первую очередь, защищали интересы ребёнка. Так, например, игрушки – куклы и зверюшки: котики, собачки, слоники и т.д., должны были обязательно улыбаться. Куклы были похожи на нормальных, здоровых, немного пухленьких детей, а не на современных анорексичных Барби. Они изготавливались только из безопасных для детей материалов, были призваны воспитывать доброту, трудолюбие, тягу к учёбе, коллективизм и патриотизм.

На фабрике преимущественно выпускались мягконабивные (плюшевые мишки и т.д.) и транспортные игрушки (различные модели автомобилей). Первоначально это были деревянные машинки, в том числе макеты гоночной техники, а с 1964 года – грузовики, самосвалы, бензовозы, пожарные машинки и тому подобное, сделанные из окрашенной жести. В 1980-е годы фабрика была переименована в металлообрабатывающий завод, но продолжала выпускать игрушки вплоть до конца XX века. В 1990-е годы она изготавливала самые разнообразные пластмассовые автомобили. Металлические машинки, изготовленные на этом предприятии в 1960-е и позднее, были настолько качественными, что с ними порой последовательно играло три поколения одной семьи: сначала дед в свои детские годы, затем его сын и, наконец, «доламывали» слегка проржавевшую игрушку уже внуки, которые нашли её на чердаке. У меня в первой половине 1970-х был железный танк, подаренный крестным отцом-танкистом, возможно, также изготовленный гродненской фабрикой. Он был такой огромный, что на нем можно было сесть сверху и кататься, как на современной детской машинке-каталке, отталкиваясь от пола ногами. При этом раздавался страшный скрежет и грохот, как будто по квартире едет настоящая боевая машина. Я подрос, и родители отдали эту игрушку детям своих друзей, потому что она занимала много места. Надеюсь, этот танк ещё долго служил как игрушка. Он был сделан очень качественно, и такого я больше ни у кого не видел.

Начиная с 1946 года, Гродно стал столицей детского вело-производства. Ведь именно у нас массово выпускались трехколесные детские велосипеды. В нашем городе продавались, помимо них, и двухколесные велосипеды с двумя дополнительными маленькими колесиками сзади, двухколесные для детей постарше, а также подростковые «Гродно» и «Орлёнок». В 1970-е и 1980-е годы они имелись практически в каждой семье. Детские «велики» в городе на Немане с 1946 по 1952 год производились на Гродненском велосипедном заводе. В те годы их у нас было изготовлено свыше 150 тысяч. В 1953 году Гродненский велозавод по улице Карла Маркса, 22 был переименован в «Гродненский завод бытовых приборов», а велозаводом стал бывший Гродненский литейно-механический завод. Туда и было передано дальнейшее производство велосипедов. Помимо «великов», на Гродненском велозаводе в 1950-е годы выпускались детские коляски и никелированные кровати, причем не только настоящие, но и игрушечные. Советские игрушечные детские коляски были «неубиваемыми» и служили нескольким поколениям детей.

1940-е и 1950-е годы были знаменательны тем, что часть игрушек выпускалась не на фабриках, а изготавливалась небольшими артелями. Они специализировались на простых игрушках руч-

ной работы, как правило, из дерева и папье-маше. Это могли быть деревянные лошадки, фигурки новогодних персонажей и так далее. Каждый мастер, каждая артель делали их по-своему. Поэтому встречались игрушки уникальные и разнообразные. Такие игрушки продавались и в гродненских магазинах. Однако в хрущёвское время, к концу 1950-х годов, артели были закрыты, и производство игрушек полностью передали крупным фабрикам и заводам, которые выпускали их уже однообразными, шаблонными, миллионными партиями. На такой советский ширпотреб люди отвечали самостоятельным творчеством. Так, в нашем городе где то в первой половине 1980-х годов дети увлеклись изготовлением самодельных фигурок роботов, сделанных из... пачек сигарет «Космос» Гродненской табачной фабрики (!). Жители областного центра возрастом постарше тогда же начали плести из трубок медицинских капельниц рыбок и другие поделки. Их можно было увидеть как в домах гродненцев, так и за лобовыми стеклами их автомобилей. Такие необычные рыбки представляли определенный интерес и для детей, которые с удовольствием с ними играли.

Купила мама коника...

В пору моего детства практически все игрушки были массовым товаром и не раскупались мгновенно, поэтому у ребенка почти всегда был в запасе какой-то отрезок времени, чтобы выпросить денег у родителей или у бабушки с дедушкой и вернуться за желанной покупкой, если она была не очень дорогой. Конечно, какие-то игрушки были в дефиците. Но у меня забав и безделушек хватало, к тому же я умел кооперироваться и делиться игрушками с друзьями. Поэтому, несмотря на то, что с возрастом игровой набор менялся, я не ощущал какой-то острой нехватки чего-бы то ни было. Мои друзья также не чувствовали себя обделёнными. Мы были уверены, что живем в самой лучшей стране и у нас – самое счастливое детство. Практически все наши игрушки были куплены в гродненских магазинах. Сперва это были плюшевые мишки, юла, кубики, совочки, ведёрки, металлические формочки для песочницы, деревянная лошадка и другие игрушки для малышей, затем санки, велосипеды, машинки, солдатики, игрушечные пистолеты и автоматы, сабли и тому подобное, далее конструкторы, сборные модели, настольные игры и многое другое.

Самыми дорогими были механические и электронные игрушки, а наиболее дешёвыми – небольшие пластмассовые и резиновые фигурки. Помню, как продавались пластмассовые зайчики, которые почему-то были синего цвета, желтые обезьянки и многие другие зверюшки, которые стоили считанные копейки, а также, уже немного дороже, разноцветные резиновые ежики, белочки, собачки, курочки, попугайчики и тому подобное. Такие игрушки покупались чаще всего малышам. Ребятам постарше были интересны настольные игры «Хоккей» и «Футбол», «Морской бой», железная дорога, масштабные модели автомобилей. Железная дорога в годы моего детства была выставлена в витрине «Детского мира», но в наличии имелась редко, поскольку была импортным товаром из ГДР. Но однажды родители купили такую забаву и мне.

Предметом мечтаний каждого мальчика были pedalные машинки, тракторы и мотоциклы. Их существовало около двух десятков разновидностей. В Гродно они приобретались для детей не так часто, как велосипеды, и были редкостью. Существовали также pedalные велосипеды-лошадки, их еще называли «конь pedalный», которые в нашем городе не были популярными и стали предметом насмешек как детворы, так и взрослых.

Девчонки гонялись за говорящими куклами (в то время они произносили одно лишь слово «мама»), куклами из ГДР с закрывающимися глазками (аналогичные советские появились чуть позже), «Первоклассницей», «Мальвиной» и другими симпатичными и нарядными игрушками той поры. Практически у каждой девочки были плоские картонные куклы с набором разноцветной бумажной одежды, которую можно было разрабатывать и самим. Так воспитывались будущие модельеры женских нарядов.

Из механических игрушек были распространены заводные курочки. Встречались также заводные мышки, обезьянки, машинки, зайчики-барабанщики и так далее. Наверное, уже с конца 1970-х годов в СССР производились радиоуправляемые автомобили, танки, луноходы и суда. А еще в 1960-е появились аналогичные движущиеся игрушки на батарейках. Среди мальчишек в 1980-е годы были популярны склеиваемые модели самолетов и кораблей, разнообразные конструкторы, электро-выжигательные приборы, наборы игрушечных столярных или слесарных инструментов. Девчонкам покупали, помимо кукол, игрушечные плиты и кастрюльки, утюги и швейные машинки, магазинные кассы, наборы для игры в доктора, которые называли «больничками». Очень интересными и качественными опять же были «больнички» из ГДР. Можно было найти в торговле и наборы для игры в парикмахера. Кстати, игрушечные утюжки, электро- и газовые плитки, часики уже с конца 1950-х годов также производились и в нашем городе, на Гродненском заводе бытовых приборов.

Детям всегда нравились музыкальные игрушки. В советское время в Гродно бывали в продаже деревянное детское пианино «Звенигород», электромузыкальные инструменты «Чижик» и «Малыш», детский электропроигрыватель, всевозможные маленькие дудочки, свистульки, ксилофоны, цимбалы, барабаны, гармошки, аккордеоны и так далее.

Возьмем винтовки новые, на штык флажки!

А какие мальчишки не играли в детстве в войну? В первые послевоенные годы заботливые отцы тесали из сосновых досок игрушечные винтовки для своих детишек сами. В какой-то, очень непродолжительный, период, дети играли и с настоящим, но испорченным или некомплектным оружием, которое во множестве валялось под ногами после тяжелых боев. Но уже вскоре в продаже появились самые разнообразные военные игрушки, копирующие оружие советских воинов: деревянные и металлические, позже – и пластмассовые, маузеры, пистолеты ТТ, автоматы ППШ. Во дворе раздавался призыв: «Собирайся, народ, кто в войку идет!», и дети, с криками «Чур я русский, а ты – немец!» «вооружались», экипировались всем необходимым и пропадали на улице до вечера. В годы моего детства мы играли «в войку» с револьверами, заряженными пистонными лентами, пистолетиками с заклепками, пластмассовыми пулями, автоматами на батарейках, с красными лампочками на стволах, имитирующих оружейный огонь. Во второй половине 1980-х годов в продаже появились водяные пистолеты. Но еще до этого мы бегали с самодельными «поливачками», сделанными из белых и круглых маминых пластмассовых бутылок от шампуня. Дополнением к оружию были отцовские и дедовские фуражки, солдатские пилотки и морские бескозырки, купленные в магазине или пошитые мамами и сестрами буденовки. Помню, у меня имелись также пластмассовый игрушечный бинокль и алюминиевая сабля, которая очень легко гнулась.

Интересной игрушкой был калейдоскоп, который, правда, очень быстро надоедал. Более заманчивым было обладание детским телефоном, вернее, парой таких телефонных аппаратов,

вполне рабочих. С их помощью по протянутому от окна к окну проводу можно было переговариваться с приятелем из соседней квартиры. Это было очень круто, поскольку настоящие телефоны имелись в ту пору далеко не у всех.

В карманные микропроцессорные игры серии «Электроника» («Ну погоди!» или «Электроника 24-01»), где нужно было ловить корзинкой яйца, начиная с середины 1980-х годов, играли все, даже те, кому их не купили. Ведь у кого-то из друзей они обязательно были. Эти игры затягивали и отнимали много времени. В них играли тайком в школе на уроках, на переменах и, конечно же, дома. Пробовали баловаться с ними и наши отцы, к большому неудовольствию детишек, у которых на время отбирались любимые игрушки. Насколько я знаю, эти игры не были уникальным советским изобретением и были скопированы с аналогичных японских игрушек. Со временем советская промышленность освоила выпуск нескольких десятков разновидностей подобных электронных игр: «Тайны океана», «Кот-рыболов», «Весёлый повар», «Хоккей», «Биатлон», «Квака-Задавака» и других, но стоили они довольно дорого, около 25 рублей. В Беларуси их выпускали в Пинске и Витебске. Среди гродненцев ходил слух, что если набрать в такой игре максимальное количество баллов (часто называлась цифра 1000 баллов, а иногда и 100 000), то можно было увидеть на экране мультик. Но никто его так и не увидел, чему, впрочем, и не обиделся. Все-таки в каждом доме уже давно был телевизор.

Запомнился интересный случай. В третьем «А» классе гродненской школы № 12 я с одноклассником играл с подаренным ему модульным радио-конструктором, состоящим из деталей-кубиков. Из них по инструкции можно было сложить транзисторный приемник и другие радио-приборы. Приемник мы успешно собрали утром, на перемене, в один из ноябрьских дней 1982 года, и первыми в нашей в школе услышали по радиотрансляции новость о том, что умер Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Поспешили сообщить об этом своему учителю, за что были отруганы и объявлены негодниками и хулиганами. Нам тогда не поверили. Но уже через час или два все преподаватели были в курсе этой новости, ходили с заплаканными лицами и про нас просто забыли! Уходила в историю целая эпоха жизни, люди предчувствовали перемены и боялись, что они будут не к лучшему. Но для детских игрушек грядущая через несколько лет Перестройка открывала новые горизонты.

Помимо забав с игрушками, гродненские мальчишки «рубилась» в «ножики», в «пекаря», в «слона» и многие другие уличные игры, а девочки играли в «резинки», «классики» и так далее. Но это уже другая история.

В магазине игрушек покупается счастье...

В послевоенный период первые в нашем городе магазины детских игрушек располагались на улице Карла Маркса. По воспоминаниям гродненского старожилы Терезы Белоусовой, один такой магазин размещался на перекрёстке с улицей Социалистической, другой – на перекрёстке с Молодежной, на месте одного из зданий нынешнего «Беларусбанка». Там продавались игрушки и канцтовары. Кстати, в то время игрушки можно было приобрести, как и сегодня, и в других, неспециализированных магазинах, в том числе обычных продовольственных.

В 1960-е годы и почти до конца 1970-х годов магазин «Игрушки» находился в двухэтажном доме по улице Ожешко, возле перекрёстка с улицей Социалистической, рядом со зданием Гродненского областного исполнительного комитета. Торговая точка занимала примерно половину пер-

вого этажа – одно его крыло. Гродненские старожилы вспоминают о посещении этого магазина в свои детские годы с особенной любовью и светом в глазах. Они рассказывают о том, что игрушек там было очень много и стоили они недорого. А возле магазина «Игрушки» с лотка продавалось лучшее в городе мороженное. Порции любимого угощения хорошо сохранялись в сухом льду даже в жару. С этим мороженым могло сравниться разве что эскимо, которое можно было приобрести в кинотеатре «Гродно». В конце 1970-х годов этот магазин был закрыт, а здание, в котором он размещался, снесли.

Новый специализированный магазин игрушек открылся в 1979 году в помещении нынешнего магазина «Ратушный» по ул. Советская, 1. Этот магазин просуществовал примерно до конца советской эпохи. Для меня он был любимым местом покупки игрушек в 1980-е годы. Там, помимо полок вдоль стен, уставленных куклами, плюшевыми зверюшками, пластмассовыми машинками, корабликами и коробками с настольными играми, в качестве торговых прилавков стояли длинные стеклянные витрины с игрушками, где их можно было хорошо рассмотреть. Вспоминаю, что в одной из витрин, рядом с входом в магазин с улицы Советской, были выставлены игрушечные солдатики. Я помню, как там продавались, примерно в середине 1980-х годов, кроме обычных оловянных и пластмассовых солдатиков, наборы больших пластиковых фигурок викингов и древних людей (дети окрестили их неандертальцами), а также резиновые индейцы и ковбои (мы называли их «ковбойцы») производства ГДР.

Индейцев и «ковбойцев» очень быстро разбирали, они были суперпопулярными у юного поколения после выхода в свет в 1960-е – 1980-е годы художественных фильмов производства киностудии «ДЕФА» (ГДР) по мотивам произведений немецкой писательницы Лизелотты Вельскопф-Генрих, таких как «Сыновья Большой Медведицы» и «Чингачгук – Большой Змей». Всего подобных кинолент было выпущено в свет без малого два десятка, и почти во всех оных снимался югославский актер Гойко Митич. Отметилась в восточногерманских «вестернах» и неизвестная Барбара Брыльска. Просмотр каждого такого фильма был событием, и дети по всему нашему городу переставали играть в красных и белых, в русских и немцев, и начинали играть в индейцев. Причем не только с резиновыми фигурками, но и с самодельными луками и стрелами, игрушечными револьверами и ружьями. Запускали бумеранги, хотя они – вовсе не индейская принадлежность, строили шалаши и даже курили «трубку мира» (на роль табака хорошо подходила сухая листва). На исходе 1970-х годов, в возрасте семи лет, мне, к тому времени уже «ветерану» дворовых индейских войн, попали в глаз самодельной стрелой, после чего я очутился на больничной койке. Оклемавшись, причем уже в очках, я снова с головой окунулся в индейские баталии.

Перед Новым Годом места в витринах магазина «Игрушки» занимали разнообразные ёлочные украшения, и торговля очень резко оживлялась. В помещение было не пробиться. Каждый стремился приобрести что-то красивое к празднику: статуэтки Деда Мороза и Снегурочки, подарки для детей, разноцветные стеклянные ёлочные шары, дождик, электрические гирлянды. Там же продавались хлопушки, бенгальские огни и конфетти, а также маски для новогодних маскарадов. А в обычное время года в «Игрушках» можно было купить еще и детские велосипеды, коляски и ходунки.

В Гродно также работали два магазина «Детские товары», расположенные на Домбровского, 47 и Бульваре 60-летия Октября, 22 (ныне проспект Янки Купалы), которые также пользовались большой любовью у горожан.

В магазине «Спорттовары», который был открыт на Привокзальной площади в доме по улице Ожешко, 42 в середине 1970-х годов, можно было купить обручи, скакалки, шашки, шахматы, клюшки, шайбы, мячи и другие принадлежности для детских спортивных игр, детские велосипеды, санки, коньки, лыжи и не только. Так, примерно в 1984 году, я приобрел там знаменитый кубик Рубика, который гродненские дети в то время называли «кубик-рубик». Его вращали тогда все, от мала до велика, даже больше, чем в наши дни спиннер. А до середины 1970-х годов магазин «Спорттовары» находился на Советской улице в доме напротив старой части здания универмага, и, как и новый магазин на улице Ожешко, являлся филиалом последнего. Кстати, игрушки, наряду с одеждой и другими детскими товарами, в Гродно можно было приобрести и в самом здании универмага.

В 1947 году в столице СССР городе Москве был открыт первый в Советском Союзе магазин «Детский мир». Тогда это был филиал Центрального универмага. А уже в 1957 года в самом центре Москвы, на Лубянке, состоялось торжественное открытие нового здания центрального универсального магазина «Детский мир», который стал лидером в стране по продаже товаров для детей. И уже вскоре подобные универмаги стали появляться во всех столицах союзных республик, в том числе в городе Минске, а затем – в областных и других крупных городах. В советское время существовала даже специальная норма, согласно которой в каждом городе с населением свыше 100 тысяч человек универмаг по продаже товаров детского ассортимента площадью более 2500 м² должен был называться «Детский мир». В Гродно «Детский мир» был открыт в 1977 году здании по улице Советской, 29. Там можно было приобрести весь ассортимент детских товаров: игрушки, детскую одежду, товары для самых маленьких: соски, пустышки, погремушки и многое другое. На первом этаже продавалась детская одежда, а на втором – игрушки. В декабре там, а также на уличном прилавке у стен здания, продавались новогодние ёлочные украшения. Полки этого магазина, как мне помнится, никогда не пустовали. Это было желанное для каждого ребенка место, где хранилось и покупалось счастье.

Когда колокола молчали...

Каждая эпоха отличается от других по многим параметрам. И по уровню развития науки и техники, и по культуре, и по уровню жизни. Разнообразен быт людей разных десятилетий, их миропонимание, привычки и досуг. Удивительно, но и звуки, которые жители нашего города слышали в разные времена XX столетия, также можно назвать уникальными.

Просыпались под звуки гимна

Мое детство и юные годы пришлись на 1970-е и 1980-е годы. Характерные звуки, мало похожие на современные, сопровождали гродненцев с утра до вечера, и были слышны даже ночью. В начале 1970-х Гродно был еще относительно небольшим городом, с населением немногим более ста тысяч человек. В любой его точке поздним вечером и по ночам был слышен стук проходящих по железной дороге поездов и свистки тепловозов. Помню, как я засыпал в нашей маленькой квартире в «хрущёвке» на улице Поповича и слушал доносившиеся с путей звуки железнодорожных составов. Они помогали мечтать о будущей жизни, о приключениях и путешествиях.

Утром вместо будильника мы просыпались и вставали под звуки советского гимна, мелодия которого идентична нынешнему Государственному гимну Российской Федерации. Специально, чтобы не проспять на работу, в конце дня радиоточки включались на полную мощность, и ровно в шесть утра они ревели и начиналась «побудка». Если кто-то забыл включить радиоточку, он все равно просыпался: мелодия гимна доносилась почти из всех квартир нашего подъезда, а слышимость в старых домах также была уникальной. Вся страна жила в едином ритме. Когда завершался гимн СССР, начинал играть наш родной белорусский гимн, затем стартовали радиозарядка с утренними физическими упражнениями и новости, во многом состоящие из рапортов о достижениях страны и сообщений о визитах глав союзных государств. Чадам нередко было позволено ещё часок подремать под звуки этих пафосных новостей, но, как детский будильник, ровно в семь утра для них звучала бодрая радиопередача «Пионерская зорька». Тут уж нужно было поторапливаться, чтобы успеть умыться, одеться и позавтракать, и к восьми часам утра попасть в родную школу. А в летних лагерях мы вставали под звуки пионерского горна.

Машин во дворах было мало, больше – мотоциклов, с колясками или без. С утра слышался лязг заводных лапок и пыхтение не хотевших заводиться моторов этих двух- и трехколесных друзей советского человека, а далее уже рёв, доносившийся из выхлопных труб. Затем муж, жена, а, иногда, и дети надевали круглые шлемы-колпаки, занимали свои места на сиденьях и в колясках, и семья уезжала на работу или учебу. Но не только добропорядочные граждане, но и наша советская милиция также преимущественно ездила на мотоциклах, производивших немало шума на улицах. Впрочем, «Запорожцы» некоторых марок шумели не меньше, не говоря уже о стреляющих очередями громких звуках мотоколясках для инвалидов, прозванных за это «драндулетами». Еще в 1970-е годы родители водили меня на мотокросс, который был очень популярен в Гродно в советские годы, а также на мото-аттракцион, где в круглом в плане помещении, напоминающем огромную бочку, по отвесной стене ездили по кругу мотоциклисты, в том числе девушки, а зрители находились в середине этой «бочки». Такой аттракцион во второй половине 1970-х годов работал возле автовокзала на проспекте Космонавтов. Эти развлечения запомнились мне истошным рёвом мотоциклов.

В семидесятые часто можно было услышать и цокот конских подков на городских улицах. В окрестных колхозах еще существовали конюшни, жители окраинных деревень также нередко держали лошадей и пользовались повозками, были лошади и в подсобных хозяйствах гродненских предприятий и воинских частей, в домоуправлениях. На газоне у площади Декабристов, да и в других местах паслись коровы, помимо их мычания можно было услышать и блеяние коз на улице Ольги Соломовой, мирно жевавших травку на склоне большого оврага, на месте нынешних автостоянок. А в микрорайонах, граничащих с частным сектором, по утрам было слышно пение петухов и лай сторожевых псов.

Колокола церквей и костелов в советское время молчали. Колокольный звон был запрещён. Но каждое утро можно было услышать гудки фабрик и заводов, созывающие рабочих на смену. Производство на предприятиях той поры также было чрезвычайно шумным. Это и грохот громоздких конвейеров и станков, и удары прессов и молотов, и прочий разнообразный свист, лязг и скрежет. Но трудящиеся быстро привыкали к этой какофонии.

Днем в семидесятые и восьмидесятые годы в областном центре Принеманья нередко, во всяком случае, на порядок чаще, чем сегодня, можно было слышать громкий звук пролетающих в сторону Фолюша или аэродрома Каролино военных вертолётов. В Гродненском гарнизоне даже

имелась своя отдельная авиационная эскадрилья, на вооружении которой состояли винтокрылые машины.

«Мусорка» приехала!

Тихий, свистящий звук троллейбусов, появившихся в Гродно в ноябре 1974 года, для жителей города поначалу был в диковинку. Со временем «рогатый» экологичный транспорт осваивал все новые маршруты, и не только дети, но и взрослые нередко с интересом катались на троллейбусах от конечной до конечной остановки, как на экскурсии. Звуки лифтов в семидесятые также были в новинку. Дети, выросшие в пятиэтажных «хрущёвках», не говоря уже о жителях одноэтажных улиц, с появлением высотных панельных или кирпичных домов, оборудованных лифтами, по началу ходили в такие здания, чтобы покататься в лифте, но не все – некоторые боялись. Жильцы высоких этажей, уставшие дожидаться кабины, «гоняли» таких незваных гостей.

В определенное время в каждом дворе раздавался характерный звук колокольчика. Слышались крики «Мусорка приехала!» и все жильцы спешили выйти на улицу и выкинуть мусор в мусоровоз. «Мусорка» объезжала по своему обычному маршруту все дома во дворе, а потом ехала в соседний квартал. Поэтому, если кто-то не успевал во время вынести свои бытовые отходы, бежал за мусоровозом с полным ведром к ближайшему дому или даже в чужой двор.

Мусорных пакетов еще не было, как и контейнеров во дворах, и отходы, выстроившись в некое подобие очереди, люди высыпали в мусороприёмник автомобиля прямо из ведер. Каждый видел, что выбрасывают соседи, и нередко матерям в моем районе, находившемся по соседству с Фолюшем, приходилось краснеть, освобождая свое ведро от черных пулеметных лент и разнообразных гильз, которые натаסקали домой сынишки с военного стрельбища. Моя мать однажды с решительным видом перед лицом изумлённых жильцов выбросила в мусоровоз полное ведро царских ассигнаций и другого подобного хлама, который я не успел сложить на место перед генеральной уборкой квартиры. Впрочем, сын горевал недолго и уже вскоре натаסקал домой немало новых интересных старинных артефактов.

В советских дворах люди жили просто и дружно. Матери, открыв форточку или окно, по вечерам громко зазывали своих детей домой с уличных игр, или по выходным звали своих мужей, игравших за столиками в домино, на обед. Те стучали пластмассовыми прямоугольниками домино по деревянным окрашенным столам с особой силой. То и дело слышались крики: «Рыба!» и т.п. А время от времени раздавался звук духовых инструментов, провожавший в последний путь кого-нибудь из соседей. Тогда пройти за гробом до автобуса или даже грузовика, на котором увозили покойника, выходил весь двор. Для заслуженных или более обеспеченных почивших людей похоронный марш играл целый духовой оркестр. Толпа непременно собиралась и в том случае, когда у какого-нибудь подъезда раздавался веселый звук гармошки, обозначающий свадебное торжество.

До свиданья, наш ласковый Миша!

Неотъемлемым атрибутом каждой советской квартиры в 1970-е был чёрно-белый телевизор, к которому прилагался стабилизатор напряжения. Цветные телевизоры также уже существовали, но были очень дорогими и пришли во все дома примерно в начале 1980-х годов. Тогда это были огромные электроприборы типа «Радуга» или «Рубин», которые стоили около 700 рублей – око-

ло четырех зарплат среднего советского гражданина. Они были ламповыми, потребляли много электроэнергии и хорошо нагревали комнаты. На крышках кинескопов из-за этого было удобно сушить детские пеленки. Мне особенно запомнилось пять музыкальных заставок телепрограмм той поры и одна песня, впервые прозвучавшая по телевизору. Это, в первую очередь, заставка главной советской информационной программы «Время», представляющая музыкальную композицию Георгия Свиридова «Время, вперед!». А музыкальной заставкой популярной советской передачи «Международная панорама» была композиция «Vibrations» американской рок-группы «The Ventures», что весьма удивительно для той поры. Когда на экране телевизора возникала заставка Интервидения в виде панорамы Кремля и звучали музыкальные аккорды Дмитрия Шостаковича, а дикторы Игорь Кириллов или Нонна Бодрова торжественно декламировали: «Говорит и показывает Москва, работают центральное телевидение и все радиостанции Советского Союза, системы Интервидения и международной космической связи. Смотрите и слушайте Москву!», значит, в стране начинались важнейшие события – политические, культурные или спортивные.

Утром по воскресеньям дети собирались у телевизоров, чтобы посмотреть передачу «В гостях у сказки», а зазывала их заставка с песней из сказки «Там, на неведомых дорожках». Текст этой песни написала Юлия Ким, а музыку создал Владимир Дашкевич. А каждый вечер ребятишки спешили увидеть телепередачу «Спокойной ночи, малыши!», музыкальной заставкой которой ещё с 1960-х годов служила песня «Спят усталые игрушки». Музыку к песне написал композитор Аркадий Островский, а стихи – поэтесса Зоя Петрова. Композицию исполняли сперва Валентина Дворянинова, а затем – Валентина Толкунова и Олег Анофриев. В 1970-е годы эта песенка звучала на фоне заставки с изображением маленькой девочки, мишки, белочки и часов, а в 1980-е – уже на фоне пластилинового мультфильма. И, наконец, начало 1980-х годов запомнилось песней «До свиданья, Москва» в исполнении Льва Лещенко и Татьяны Анциферовой. Она прозвучала во время прощания с Олимпийским Мишкой, талисманом XXII летних Олимпийских игр, проходивших в 1980 году в Москве. Восьмиметровая резиновая кукла-талисман – аэростат «Олимпийский Мишка», во время церемонии закрытия Олимпиады-80 поднялась над стадионом на 24 разноцветных воздушных шарах и, помахав зрителям на прощание лапой, медленно уплыла в ночное московское небо. Зрелище было столь трогательным, что и зрители, и участники Олимпиады не могли удержаться от слёз. Спустя несколько часов куклу-талисман нашли на Воробьёвых горах и отвезли на склад, где ее в конечном итоге съели крысы. Но злые языки придумали анекдот, что Миша улетел в Израиль.

По вечерам и по выходным из разных точек Гродно далеко разносилась музыка танцплощадок, которые имелись в каждом микрорайоне, а также в городском парке. Позже их закрыли из-за большого количества сопутствующих танцам драк. Во многих жилых дворах имелись и небольшие сцены-подмостки, на которых время от времени выступали хоровые и танцевальные коллективы, состоящие из учащих окрестных школ, а иногда и из воспитанников детских садов. Свое мастерство там демонстрировали и комсомольские агитбригады. На такие концерты днём собирались бабушки-пенсионерки из соседних домов и скучающие дворники.

Музыка советской эпохи – это тихое шуршание и потрескивание иглы патефона или электрофона, это шум и помехи в радиоэфире, когда приходилось то и дело настраиваться на плавающую волну. Семидесятые – время торжества транзисторных приемников. Существовали и переносные проигрыватели для маленьких грампластинок. В минуту досуга во дворах молодежь слушала музыку, а нередко – и радиотрансляции футбольных или хоккейных матчей. В приграничном

Гродно многие болели не только за советские команды, но и за сборную Польши, а потому мне с детства запомнились услышанные однажды по радио крики польского спортивного комментатора: «Бонек, Смолярек, Вуйциcki! Пилка до bramки, гол!» (в переводе с польского: «Мяч в ворота, гол!»).

В восьмидесятые молодежь вышла на улицу уже с переносными кассетными магнитофонами. Из динамиков зазвучала не только советская, но и популярная западная музыка, в том числе и рок. Счастливые обладатели громоздких двухкассетных японских магнитофонов также время от времени демонстративно прогуливались в нашем дворе, поставив свою технику на плечо и слушая самую современную по тем временам музыку.

Советская эпоха уходила под звуки траурных маршей и балета «Лебединое озеро», который, по традиции, звучал в эфире, когда в первой половине 1980-х годов одного за другим хоронили Генеральных секретарей ЦК КПСС: Брежнева, Черненко, Андропова. В 1985 году стартовала Перестройка, и страна начала быстро приближаться к нашей современности. Звуки жизни также становились другими.

«Паганини в юбке»: девочка из Гродно, покорившая Петербург, Вильнюс, Минск и Варшаву

В число известных деятелей культуры XIX столетия, прославивших наш город Гродно, входила и Теофилия (Богумила) Юзефович-Боровская. Это – знаменитая скрипачка-виртуоз, которая сумела еще в детском возрасте, во второй половине 1830-х – первой половине 1840-х годов, завоевать всеобщее признание своим высочайшим мастерством исполнения. Недаром восторженные статьи о ней писал сам Станислав Монюшко. Творческая деятельность Теофилии Юзефович-Боровской – ярчайшая страница скрипичного искусства Беларуси, которая заслуживает благодарной памяти потомков.

Восхождение звезды

Имя скрипачки Теофилии Юзефович-Боровской сегодня в недостаточной мере известно жителям Гродно и Беларуси в целом. Этот пробел в разное время пытались восполнить исследователь истории белорусской музыки, ныне ректор Института современных знаний имени А.М.Широкова, кандидат искусствоведения, доцент, Александр Львович Капилов и известный гродненский педагог, историк и краевед Александр Петрович Гостев, а также популярный белорусский писатель, критик, журналист и литературовед Алесь Мартинович. Надеюсь, что и эта работа, которая опирается на информацию, собранную тремя упомянутыми исследователями, дополнит неизвестными ранее страницами, извлеченными из архивных источников, биографию Теофилии Юзефович и поспособствует увековечению имени этой, ныне многими забытой, талантливой уроженки Принеманья.

Теофилия (в польских источниках – Богумила) Юзефович родилась в 1828 году (иногда за время ее рождения ошибочно принимают 1826 год) в городе Гродно или в его окрестностях, воз-

можно, в Волковысском уезде. Род Юзефович (пол. – Józefowicz) входил в Алфавитный список дворянских родов Гродненской губернии, внесенных в 1-ю часть Дворянской родословной книги («роды дворянства жалованного или действительного»). Эта, достаточно известная на Беларуси, в Литве и Польше фамилия, возмозно, герба Абданк (такой герб принадлежал и Юзефовичам, и Боровским), в данном случае происходила от белорусских татар и вела свое начало от одного из всадников татарских хоругвей войска Великого княжества Литовского, получившего права шляхты. Земельные угодья, принадлежащие шляхтичам Юзефовичам, находились в Волковысском уезде Гродненской губернии (имение Великая Лапеница и ряд иных). Часть представителей этой фамилии еще к концу XIX века сохраняла мусульманское вероисповедание, а другие, в том числе семья Теофилии, были полонизированы и по своей вере были католиками.

Более подробные сведения о родителях Теофилии не сохранились, и мать, и отца гродненка потеряла в раннем детстве. Есть только информация, что отца её звали Яковом. Она воспитывалась старшим братом, ставшим ее опекуном, который, заметив музыкальные способности девочки, с пяти лет начал учить её игре на скрипке. Первым педагогом Теофилии был гродненский скрипач-любитель Звирович.

На публике девочка сыграла уже через два года после начала занятий скрипкой, в семилетнем возрасте, да еще как! Первый концерт с участием Теофилии Юзефович с большим успехом прошел в Вильно 25 марта 1835 года. Там она «пела» смычком вместе с известным в то время скрипачом Игнатием Реутом, который познакомился с одаренной девочкой во время своего пребывания в Гродно и обратился к ней с предложением совместного музицирования. Польский литератор Станислав Лахович писал о виленском концерте Теофилии: «Памятный был тот день для молодой артистки. Впервые семилетняя девочка увидела столько обращенных к ней глаз, впервые услышала аплодисменты зала, которые её более страхом, чем радостью, наполнили». 26 января 1837 года с исключительным успехом прошел первый сольный концерт юной скрипачки, который состоялся в родном ей городе Гродно. В прессе незамедлительно появились хвалебные рецензии, предрекавшие Теофилии блестящее будущее. Так, газета «Литовский курьер» выражала уверенность, что со временем Юзефович станет «знаменитым музыкальным талантом». Специалисты и критики советовали ей развивать свой музыкальный дар. К тому моменту, без сомнения, юная скрипачка превзошла своего учителя и нуждалась в хорошей, профессиональной школе игры на скрипке.

Её называли «Маленьким чудом, покорившим Петербург»

С 1838 по 1841 годы Теофилия Юзефович совершенствовала исполнительское мастерство в Санкт-Петербурге, одновременно завершая свое общее образование в одном из столичных пансионатов. Она брала уроки скрипичной игры у ряда выдающихся европейских музыкантов, которые в то время гастролировали в столице Российской империи. Это скрипач и композитор, один из основателей бельгийской скрипичной школы Анри Вьётан (фр. Henri Vieuxtemps) (1820 – 1881); великий норвежский скрипач-виртуоз и композитор Уле Буль (норв. Ole Borneman Bull) (1810 – 1880) и бельгийский скрипач Франсуа Прюм (фр. François-Hubert Prume) (1816 – 1849).

23 февраля 1841 года состоялся первый концерт Теофилии Юзефович в Санкт-Петербурге. Именно после него Теофилия Юзефович получила имя «Паганини в женской одежде» или «Паганини в юбке» (как известно, итальянский скрипач-виртуоз и композитор Никколо Паганини

(1742 – 1840), как и Теофилия, начал учиться музыке в пять лет, и также впервые выступил с концертом в детском, 11-летнем, возрасте).

Концерт проходил в доме на Невском проспекте, 30, в музыкальном салоне Ольги Михайловны Энгельгардт, супруги известного мецената Василия Васильевича Энгельгардта. Ныне там располагается Малый зал имени М.И.Глинки Санкт-Петербургской академической филармонии имени Д.Д.Шостаковича – один из лучших камерных залов в мире, обладающий уникальной акустикой. Скрипачка исполнила там произведения виртуозной скрипичной музыки: концерт из 12 вариаций Шарля Огюста де Берио (Charles Auguste de Bériot; 1802 – 1870) – бельгийского композитора и скрипача, и фантазию бельгийского скрипача Теодора Гаумана (1808 – 1878).

Вместе с Теофилией Юзефович на её первом и последующем петербургских концертах 1841 года выступал минский музыкант Антон (Антоний) Абрамович (около 1811 – после 1854). Антон – уроженец Витебского уезда, который после 1832 года проживал в Санкт-Петербурге. Он был талантливым исполнителем, высокопрофессиональным фортепианным педагогом и композитором: автором около 50 фортепианных и вокальных произведений – фантазий, полонезов, мазурок, вальсов, маршей, романсов, обработок белорусских народных песен. Антон уже был хорошо известен петербургской публике, однако в центре внимания сразу же оказалась именно Теофилия.

По желанию любителей музыки концерт в музыкальном салоне Ольги Энгельгардт состоялся повторно 12 (по другим сведениям, 13) апреля 1841 года. Игрой Теофилии были очарованы не только любители музыки, но и опытные критики, которые не жалели восторженных эпитетов и красок и соревновались между собой в похвалах для юной восходящей звезды. Так, рецензент столичной «Литературной газеты» не только поставил её в один ряд со знаменитыми исполнителями, но и отдал Теофилии преимущество, отмечая, что её тремоло (приём игры на струнных и других музыкальных инструментах: многократное быстрое повторение одного звука либо быстрое чередование двух не соседних звуков, двух созвучий (интервалов, аккордов), отдельного звука и созвучия) значительно лучше того, за который выдающегося скрипача-виртуоза Франца Гиса сделали членом Лондонской, Мюнхенской и Мадридской академий. Известный русский прозаик, поэт, переводчик и драматург Нестор Васильевич Кукольник (1809 – 1868), в ту пору – издатель ряда российских периодических изданий искусствоведческого характера, ранее придерживался мнения, что скрипка – вовсе не женский музыкальный инструмент. А после концерта Теофилии Юзефович в журнале «Русский вестник» он также не скрывал своего восхищения. В частности, Кукольник писал, что «вариации Гаумана были на этот раз лучше исполнены, чем тогда, когда их исполнял у нас в Петербурге сам автор». Другие издания называли Теофилию «Маленьким чудом, покорившим Петербург».

Европейское признание

В 1843 году Теофилия Юзефович выступала уже в Варшаве. И там игра этой девушки вызвала всеобщее восхищение, а её талант, по свидетельству прессы, получил европейское признание.

Именно тогда о юной скрипачке написал несколько статей Станислав Монюшко, который в тот период (1840 – 1858) проживал в Вильно и служил органистом в костеле Святого Иоанна Крестителя и Святого Иоанна Евангелиста, а также давал уроки фортепиано и композиции. Теофилию Юзефович с её земляком, родившимся в деревне Убель под Минском – композитором, ав-

тором песен, оперетт, балетов, творцом польской и белорусской национальных опер, классиком вокальной лирики Станиславом Монюшко (польск. Stanisław Moniuszko) (1819 – 1872) соединяли особые отношения. Согласно последним исследованиям историков музыки, творчество Станислава Манюшко было тесно связано с городом Гродно. Так, дебютным произведением С.Монюшко на театральной сцене стал водевиль «Ночлег в Апеннинах», который впервые был поставлен в 1841 году именно в Гродно. Из всех ранних произведений композитора чаще всего звучала на театральных и концертных сценах оперетта «Лотерея» (или «Последняя Варшавская лотерея»). Ее премьера состоялась 8 сентября 1841 года в Гродненском городском театре в исполнении Компании драматических артистов Виленского театра под руководством Вильгельма Шмитгофа, и лишь через пару лет, в 1843 году, этот водевиль был поставлен в Минске. Постановка знаменитой оперы Станислава Монюшко «Галька», которая впервые была организована в 1854 году в Вильно, вскоре прозвучала и в Гродно. Скорее всего, что на премьерах своих опер, каждая из которых явилась выдающимся событием для города над Неманом, присутствовал сам автор, который встречался и с Теофилией Юзефович, творчеством которой он так живо интересовался.

В последующие годы деятельность скрипачки отличалась ещё большей интенсивностью. Она выступала с концертами в Вильно, Минске и Гродно. Её репертуар постоянно расширялся, включая в себя лучшие и наиболее сложные произведения романтической виртуозной музыки того времени: фантазию Генриха Вильгельма Эрнста (1814 – 1865) на темы оперы «Отелло» композитора Джоаккино Россини (Rossini) (1792 – 1868), капризы Анри Вьётана и ряд других.

Теофилии Юзефович не раз предлагали навсегда остаться в крупных культурных центрах, таких как Санкт-Петербург, Варшава или Вильно, но она, несмотря на длительные поездки и гастроли, неизменно возвращалась в родной город Гродно. Там в 1840-е годы также кипела активная музыкальная жизнь. О премьерах опер и оперетт Монюшко мы уже упоминали. А в 1840 году в Гродненской мужской гимназии учителем музыки Иваном Добровольским (1780-90-е гг. – 1851) был создан любительский оркестр, которым руководил этот, достаточно известный в России, музыкант, фольклорист, композитор и музыкальный деятель. Иван Викентьевич выступал на концертах как скрипач, виолончелист и дирижёр, и охотно делился опытом, сотрудничал с Теофилией Юзефович.

В 1846 году в Гродно был образован постоянный русско-польский театр Станислава Новаковского (просуществовал до 1850 года), первый спектакль которого состоялся 25 октября того же года на русском языке. На сцене здания этого театра, заложенного ещё при гродненском старосте Антонио Тизенгаузе в 1772 году архитекторами Мёзером и Сакко и перестроенного в 1859 году в стиле классицизма, проходили выступления Теофилии. Выступала скрипачка-виртуоз и в Благородном собрании (клубе), располагавшемся на нынешней Советской площади в одном из помещений бывшего здания дворца Радзивиллов. Возможно, она давала концерты также в зале дома предводителя дворянства Гродненского уезда Северина Ромера, впоследствии – участника восстания 1863 – 1864 годов (в доме № 23 на нынешней Советской улице). Там бывали многие известные гродненцы, в том числе будущие повстанцы. Этот дом был увековечен на рисунке Наполеона Орды, который также однажды стал гостем хлебосольного Северина Ромера и его жены Теодоры.

Юная нимфа Друскенинка

В 1844 – 1846 годах в Гродно издавался журнал «Ondyna Druskienickich Źródleł» («Русалка Друскенинских источников»). Один из его авторов, творивший под псевдонимом Мечислав, рассказывал, что в 1844 году курорт минеральных вод Друскеники посетила и имела там необыкновенный успех госпожа Теофилия Юзефович. Описывая концерты, проходившие тогда на курорте, автор отмечал, что наибольших аплодисментов заслужила госпожа Юзефович, которая перед друскенинской публикой вполне оправдывала свою недавнюю щедрую похвалу в Петербургском еженедельнике. «Скрипка – инструмент, который, в общем, достаточно редко осваивают представительницы прекрасного пола, в руках этой восемнадцатилетней девушки (на самом деле, Теофилии в ту пору было лишь 16 лет – примеч. автора), способен стать игрушкой, по её мановению разливающей сладкие и страстные звуки, или костром, из которого мастерица магического смычка извлекает и изливает в воображение слушателей волны чувств и гениальных мыслей автора. Мы надеемся, что именитая артистка и в последующие годы захочет утвердить и расширить свою славу в родных околицах, где ранее она еще не достаточно была известна», – сообщал корреспондент.

Спустя 16 лет, 5 августа 1860 года, газета «Виленский Вестник» докладывала, что эта выдающаяся артистка своими посещениями удостаивала Друскеники почти каждый год. На курорте, в то время являвшемся частью Гродненского уезда и расположенном всего примерно в 45 километрах от нынешнего областного центра Принеманья, в летний сезон собирались на отдых и занимались там творчеством многие известные деятели науки, литературы и искусства Беларуси, Литвы и Польши, такие как Теодор Нарбут, Флориан Бохвиц, Станислав Росоловский, Томаш Зан, Юзеф Игнаций Крашевский, Плацид Янковский (John of Dycalr), Михал Грабовский, Людвик Адам Юцевич, Юзеф Ярошевич, Вацлав Александер Мацеевский, Николай Малиновский, Мартин Цеплинский (Оссориа), Игнаций Кулаковский, Ян Чечот, Сырокомля, Станислав Монюшко и многие другие. Музой для многих из них стала Теофилия Юзефович-Боровская, которая не раз радовала своей виртуозной игрой этих выдающихся людей и вдохновляла их на новые свершения. Скрипачка выступала в Друскенинском театре на 300 посадочных мест, построенном в 1842 году на средства отдыхающих, в Курзале (то есть в курортном зале), или, как его тогда называли, в курхаузе, и, конечно, же, на открытом воздухе в городском парке. Возможно также, Теофилия играла в залах богатых домов и вилл, куда ее приглашали местные меценаты. Концерты в Друскениках в тот период давались не только платные, но и благотворительные.

После свадьбы с ценителем музыки дворянином Боровским, которая состоялась после 1844 года, Теофилия, как уже Юзефович-Боровская, не оставила занятий скрипкой и продолжала покорять слушателей своей виртуозной игрой. Она часто выступала с концертами в сопровождении гродненского оркестра под управлением Ивана Добровольского и в ансамбле с пианисткой С.Фоненко.

Более 30 лет Теофилия Юзефович-Боровская отдала самоотверженному служению музыкальному искусству, постоянно сохраняя высочайший уровень исполнения. Мы пока не знаем достоверной даты смерти знаменитой скрипачки, но, по косвенным данным, она умерла около 1865 года, оставив о себе неизгладимую память в истории отечественной музыки и нашего города.

Певчий в военном мундире: знаток церковного пения Фёдор Иванович Крылов

Гродно издавна является одним из важнейших центров белорусской культуры. Немалую роль в этом сыграли военнослужащие и члены их семей. В городе, прославившемся как мощный форпост на западной окраине нашей Родины, всегда стоял довольно крупный гарнизон, имевший в своем составе и военные оркестры, и талантливых офицеров и нижних чинов – писателей и поэтов, певцов и музыкантов, художников и архитекторов. Одной из ярких фигур в музыкальной жизни города второй половины XIX века стал офицер Гродненского гарнизона Фёдор Иванович Крылов – музыкант, певчий, хоровой дирижер и опытный педагог.

Впервые о Фёдоре Крылове я услышал от своего наставника – известного гродненского историка профессора Валерия Николаевича Черепицы, который упоминал о нем в своих работах. Со временем я находил все новые и новые сведения об этом незаурядном человеке, а потому решил и сам составить его биографию.

Фёдор (или, по православной церковной традиции – Феодор) Иванович Крылов родился в 1829 году в семье мещан, проживавших в городе Вильно. Родители с малых лет воспитали у Фёдора любовь к пению и почитание церкви. После получения домашнего начального образования отец отправил сына в школу кондукторов, готовившую чертежников военно-инженерной службы. Вскоре глава семьи умер, Фёдору пришлось оставить обучение в школе и поступить послушником в Гродненский православный Борисо-Глебский мужской монастырь. Священнослужители обители быстро заметили, что скромный юноша не обделен божьим даром – он обладал хорошим голосом. В монастыре у молодого воспитанника появилась возможность развивать свой талант на ниве церковного пения под руководством иеромонаха и епископа Брестского и Викария Литовского Игнатия (Железовского), опытных монахов и священников. Фёдор стал одним из лучших знатоков церковного пения и музыки, без которого не обходились богослужения с участием епископа.

В 1851 году в жизни Фёдора открылась новая страница – воинского служения Отечеству. Он в качестве рекрута начал проходить военную службу в Гродненском батальоне внутренней стражи. С разрешения начальства Фёдор продолжал посещать церковные хоры, коих было несколько в старинном губернском городе Гродно. В то же время Фёдор Иванович ревностно относился к своим обязанностям по службе, и в 1853 году его производят в унтер-офицеры, а в 1864 году – в офицеры, с присвоением чина прапорщика. С 29 апреля 1865 года Фёдор Крылов занимал должность батальонного казначея Гродненского губернского батальона. За усердие в службе он был награжден бронзовыми медалями в память войны 1853 – 1856 годов и в память усмирения польского мятежа 1863 – 1864 годов. Все это время он не оставлял занятия пением и игрою на скрипке, принимал деятельное участие в устраиваемых в Гродно светских, в том числе благотворительных, концертах, в управлении церковными хорами.

В конце 1860-х годов, уйдя в отставку в чине подпоручика, Фёдор Иванович занял место бухгалтера Гродненской гимназии и регента хора. У него сложились теплые, дружеские отношения с директором гимназии Яковом Александровичем Балвановичем, ревностным ценителем музыки и пения, много внимания уделявшему гимназическому хору.

В те годы Фёдор Иванович Крылов вместе со своей женой Анной принадлежал к мещанскому сословию города Гродно. Анна Крылова была домашним учителем, находясь в этой должности с 23 октября 1865 года.

Когда директор гимназии был переведен в Вильно, Фёдор Иванович оставил службу бухгалтера и вернулся в лоно военного ведомства – стал комиссаром Гродненского военного госпиталя, с производством в коллежские секретари. Вскоре за усердие в службе он был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени, а позднее стал кавалером того же ордена 2-й степени. Гродненский военный госпиталь располагался в бывшем королевском замке Станислава Августа Понятовского, последнего властителя Речи Посполитой, ныне известном как Новый замок. В правом флигеле учреждения была устроена домовая госпитальная церковь, где Фёдор Иванович с удовольствием обучал воинов, проходящих лечение, азам церковного хорового пения.

С 1873 по 1878 год каждое лето комиссар Крылов проводил в Друскениках (нынешний Друскенинкай в Литовской Республике, а тогда – курортный городок Гродненского уезда) в качестве смотрителя Друскеникского военного госпитального отделения – прообраза нынешнего Лепельского военного санатория. Там уже тогда функционировало несколько источников минеральных вод. Можно не сомневаться, что Фёдор Иванович много времени уделял музыке и пению в кругу находящихся на отдыхе и излечении на водах офицеров и членов их семей, а также в церковном хоре при православном храме Божией Матери всех скорбящих радости.

В Друскеники для поправки здоровья в те годы наведывались многие известные люди. Бывал здесь и писатель Всеволод Крестовский, в то время офицер 14-го Ямбургского уланского полка, расквартированного в Гродненском гарнизоне, автор целого ряда известных литературных произведений, в том числе романа «Петербургские трущобы». Как и везде на лечебных водах, в Друскениках кипела бурная светская жизнь, с концертами, приемами и даже дуэлями. Так, например, еще в 1870 году 30-летний улан Всеволод Крестовский дрался на дуэли за честь женщины с корнетом своего полка графом Цукатто, причем вызов на дуэль был брошен на Друскеникском вокзале. Курортные романы и бурные страсти замирали в холодное время года, когда все возвращались к своему привычному укладу жизни.

В Гродно Фёдора Ивановича часто навещал младший брат – Павел Иванович Крылов (родился в 1834 году, скончался в 1903 году), священник Минского кафедрального собора. Фёдор Иванович увлек любовью к музыке и пению его сына – Константина Павловича Крылова. Племянник был вполне способным учеником, достойным таланта своего дяди. Константин поселился в Гродно и стал учителем пения в Гродненской мужской гимназии, где прежде Фёдор Иванович руководил хором.

В 1878 году Фёдор Крылов оставил Гродненский военный госпиталь и поступил в артиллерийское ведомство в Вильно чиновником окружного артиллерийского склада. В этом городе у Фёдора Ивановича проживали добрые друзья и многие дальние родственники. Среди них – Евгений Михайлович Крылов, в будущем – статский советник, член губернских присутствий по воинской повинности и по крестьянским делам; чиновник Виленского окружного суда, надворный советник Гавриил Петрович Крылов, и другие. На старинном Ефросиньевском кладбище в городе Вильнюсе до нашего времени дошло несколько старинных надгробий, под которыми покоятся представители этих ветвей семейства Крыловых.

В 1880 году Фёдор Иванович образовал небольшой кружок певчих в Пречистенском соборе города Вильно. Как свидетельствовал настоятель этого храма священник Иоанн Котович, «Бог благословил и это дело, за которое взялся опытный руководитель Гродненского архиерейского хора, большой знаток церковного пения, артиллерийский чиновник Фёдор Иванович Крылов.

Устроенный им хор с 1880 года постоянно пел в соборе, заслужив огромную симпатию прихожан». Для поощрения хора была выделена постоянная сумма из средств собора до 450 рублей в год, что обеспечивало стабильную его работу. После Ф.И. Крылова регентом хора какое-то время был его ученик, воспитанник братского приюта Мольвер. Обнаруженные Фёдором Ивановичем знания в церковном пении, его искусство в управлении хором, обратили на него внимание общественности и властей города, и Крылов был приглашен в Виленское высшее женское Мариинское училище преподавателем пения, где плодотворно проработал долгие годы, оставив о себе самую добрую память.

В 1886 году Фёдор Иванович, прослужив в военном ведомстве свыше 30 лет, окончил службу и вышел в отставку в чине коллежского советника, целиком посвятив себя музыке и пению. В последние годы жизни он исполнял обязанности регента Виленского воспитательного дома. Фёдор Иванович Крылов умер 9 мая 1891 года и был похоронен, согласно своему завещанию, в любимом Гродно, где многие годы отдал службе Отечеству и оставил неизгладимый след в культурной жизни города. Его могила сохранилась до наших дней на старинном кладбище по улице Антонова, недалеко от Свято-Марфинской православной церкви. Рядом находятся могилы брата – минского священника Павла Ивановича Крылова, также нашедшего свое последнее пристанище на Гродненской земле, и многочисленных друзей, сослуживцев и учеников певчего в военном мундире – Фёдора Ивановича Крылова.

Недалеко от могилы Фёдора Ивановича, в Свято-Марфинском храме, идет церковная служба. Небольшой храм полон прихожан. Священнику помогает маленький приходской женский хор, радуя участников божественной литургии мастерством исполнения церковных песнопений. На вдохновенную мелодичность и органичность многоголосья душу нисходит озарение свыше, и вдруг становятся понятными и близкими и судьба, и увлеченность Фёдора Крылова, приходит осознание того, что его жизнь не прошла бесследно, оставив после себя весомые духовные плоды. И, как эпитафия этому маленькому, и одновременно великому человеку, сами собой рождаются короткие строфы:

Невольно застываешь на пороге,
Когда, перекрестившись, в храм спеша,
Услышишь хор и пение о Боге,
И к небу подымается душа...

Шведский камень

рассказ

Уже пять лет бушевала Северная война, три года войска русские и шведские войска попеременно занимали белорусские земли. В 1705 году опорным пунктом войск царя Петра I в войне со шведами был избран город Гродно. Вместе с русскими войсками к городу подошла саксонская гвардия союзника Петра – властелина Польши Августа II, с ней верные польскому королю отряды местной шляхты. Шведский гарнизон, оставленный в 1702 году прошедшей через эти края армией Карла XII, отступил без боя. Гродно заняли войска Петра. В числе других в город вошли гвардейские Преображенский и Семёновский полки. Численность гарнизона насчитывала

до 35 тысяч солдат и офицеров. Гродно быстро превращался в крепость, неутомимый Пётр лично руководил постройкой укреплений вокруг города. Были созданы две линии обороны. Внешняя включала бруствер и ров, окружавшие город, во внутреннюю входили все крупные каменные постройки: дворцы местной знати, монастыри и костёлы, соединенные между собой окопами. Город оцетинился рогатками, штыками, жерлами орудий, укрытыми в мощных редутах.

Шведский король Карл XII со своей армией располагался на зимних квартирах в Польше. В Варшаве он принимал доклады своих генералов, ждал вестей из России. Думая о том, каким опасным врагом становится Пётр, как быстро он учится, шведский король осознал, что в роли учителя для русского царя выступает он сам. Карл размышлял, как поступить с вражеской армией. Он пока не был готов брать такой хорошо укрепленный город, как Гродно, ждал пополнений из Швеции, пытался привлечь на свою сторону польскую шляхту. Раздумья прервал доклад о прибытии шпионов. Новости обрадовали: 7 декабря 1705 года Пётр I покинул город, отправившись вглубь России решать неотложные государственные дела, руководить подготовкой новых русских полков, отливкой пушек. Карл понял: ему улыбнулась удача. Русская армия без вождя может стать легкой добычей. Войска получили команду выступить в поход. Король решил помножить фортуна на воинское искусство – с ходу, после быстрого марша и обходного маневра, неожиданно напасть на русских, и с тыла взять город-крепость Гродно, одним махом разгромить собравшуюся там русскую армию. А заодно и расправиться с ненавистным ему союзником Петра I – старым королем Польши и саксонским курфюрстом Августом II, на место которого он уже продвинул через сейм нового польского короля – Станислава Лещинского.

Итак, в начале января 1706 года войска Карла XII в стремлении обойти русскую армию и блокировать ее в Гродно быстрым маршем приближались к Неману. Они шли к стратегической военной переправе, расположенной подальше от Гродно, в районе деревни Княжеводцы. Жители этой деревни издревле промышляли переправой через Неман купцов, воинов и путешественников. Внизу и вверху по течению эта водная преграда была неприступна для большого войска с обозами – болотистая местность, многочисленные старицы реки либо крутые обрывистые берега Великой Китайской стеной вставали перед чужаками. А у села Княжеводцы Неман неглубок, спуски к реке покатые, к броду подходит добротный старинный шлях, оборудованный постоянными дворами и корчмами. За этой переправой начинаются короткие пути в Гродно и в сердце литовских земель – Вильно, рукой подать оттуда и до Московской дороги.

Один из шведских корпусов заранее отделился от войск Карла XII и маршировал к Неману по другому пути, пересекавшему реку чуть севернее Гродно, у села Грандичи. В его задачу входило отвлечь на себя русских и тем самым обеспечить успешную переправу основных сил шведской армии в тылу армии Петра. Кроме того, он должен был перерезать снабжение русских войск по реке и суше со стороны Литвы и Лифляндии.

Войска медленно шли по раскисшему от мокрого снега тракту. Началась оттепель. Лошади с трудом тащили пушки, колёса вязли в снегу, рвались построики, колонны растянулись. Пришлось делать привал. Карл нервничал: Грандичский корпус должен был уже подходить к Гродно. Терялась внезапность, разваливался план операции, русские могли собраться с силами и встретить шведов на переправе, когда они не готовы к большому сражению, разгромить королевские полки по частям. На привале, в придорожной корчме Александровка, Карл собрал генералов, чтобы обсудить создавшуюся обстановку. Получалось, что армия уже несколько часов

движется вдоль Немана, не доходя до него всего несколько верст. До переправы оставалось еще верст двенадцать – при такой скорости это сутки пути. Карл не понимал, зачем идти к старой переправе. Река скована льдом, можно пройти и по нему. Проводник – старый польский еврей, доложил, что хороший спуск к реке есть у деревни Миневици, напротив – сосновый бор, чуть выше по течению село Ковши, от него дорога идет на Скидель, откуда до Гродно рукой подать. До Миневиц – часа полтора ходу. На том и порешили.

Протрубили сигнал, колонны неохотно потянулись по заснеженным полям и буеракам к Неману. Местные жители, узнав о приближении шведов, прятали ценные вещи и скромные сбережения, спешили укрыться в окрестных лесах, прихватив с собой нехитрый домашний скарб и скотину. Но это были тщетные потуги – синие мундиры шведских солдат вскоре заполнили всю округу. Скотину отбирали, взрослых мужчин сгоняли на работы по обеспечению переправы. Первыми к реке подошли пионерные войска – военные инженеры. Осмотрели лёд, с виду не очень крепкий, доложили королю, тот приказал: «Форвард!» (шведск. вперед). Первая колонна с опаской ступила на ледяной покров и постепенно скрылась в легкой дымке в тумана. Подходили все новые колонны. Войска сгрудились на берегу, на подступах к нему, ожидая своей очереди.

Карл с генералами вышел на высокий берег вблизи деревни Богатыревичи, слева от переправы, и следил за выходящими на лёд войсками. Ниже по течению Неман круто поворачивал на север, там маячили отвесные обрывы берегов, на противоположной стороне – также обрывы и заболоченный лес, за лесом простирались Мазановские топи. На этой стороне чуть ниже по течению – Глядовичские болота, поросшие лесом и кустарником, труднопроходимые, как уведомил проводник. Приходилось переправляться в одном узком месте.

Переправу организовали по всем правилам воинского искусства. Конница уже заняла фланги. Колонны переходили реку под прикрытием артиллерии. Пушки поставили на холмах и согнали местных мужиков оборудовать позиции. Шведы отчаянно ругались на понурых крестьян, вяло ковырявших землю деревянными заступами и рыбацкими пешнями. Ныне эти холмы зовут «шведскими окопами», хотя никто уже не помнит, как они появились в здешних краях.

Организовав переправу, Карл поспешил осмотреться на противоположном берегу. Там высился вековой сосновый бор, вдоль Немана по берегу между холмов извивалась дорога, ведущая к небольшому селу Ковши. Шведы только что заняли этот населённый пункт, выставили заставы. Быстро смеркалось. Войска ставили палатки, занимали крестьянские избы. Фуражиры уже начали грабёж окрестных деревень: Глядович, Миневиц, Мешетников, Щербовичей, Дубровлян и Мазановцев. Над рекой разносился бабий плач, кудахтанье кур, визги забиваемых свиней. В ближайших к переправе деревнях уже потянулись дымы от костров – бывалые воины грелись, покручивая на вертелах свиные туши, жадно отрезая от них ломти недожаренного мяса, подрумянивали над огнем на штыках ощищенных гусей, уток и куриц. Среди палаток появились марки-тантки. То тут, то там был слышен громкий солдатский смех, пьяные возгласы, наконец, шведы затянули песни.

Переправа продолжалась всю ночь, при свете костров и факелов. На лёд выкатили подводы, зарядные ящики, пушки. Ледяной покров затрещал. Послышался стук топоров – воины начали разбирать хлевы и другие постройки в Миневицах, солдаты суетливо носились с жердями и фашинами, укрепляя ими ледяной путь. Вскоре появились первые потери – несколько пушек пошли на дно вместе с лошадьми, утонуло несколько солдат. Испуганные коневоды вели лоша-

дей стороной, люди далеко разбрелись по льду, некому было помогать тонущим. Переправа становилась неуправляемой. Громко орали полковники, но толку было мало. Карл выехал на середину реки, пытаясь привести свое войско в порядок. Внезапно лёд под ним затрепал, конь начал проваливаться в темную неманскую воду, захрипел и задергался, все более расширяя полынью.

– Король тонет! – закричали солдаты. Этот клич отрезвил паниковавших офицеров, народ бежал спасать своего командира. Синие мундиры замелькали на льду. Солдаты бросались в воду, сами тонули, но подталкивали короля к краю разраставшейся полыньи. Его вытянули за шиворот, на руках понесли к берегу. Барахтавшимся в воде солдатам подавали концы жердей, веревки. Человек пять утонуло...

Пытаясь укрепить ледяную твердь, шведы расстилали на ней солому и поливали ее водой, затем эта конструкция медленно покрывалась коркой наледи. Запыхавшиеся солдаты и мужики при свете костров и факелов разбирали скирды и стога, срывали соломенные и камышовые кровли, таскали сено. Пришлось собирать в окрестных деревнях крестьянские санки, ставить на них снятые с лафетов пушки, таскать их по льду вручную. К утру все войска перешли на другой берег.

Короля отогрели, в стане шведов начался праздник – отмечали чудесное спасение любимого монарха. Карл не препятствовал, сам был благодарен Богу. Быстро развернули походную кирху, генералы помолились, провели совет, пошли ночевать в самые добротные туземные избы. Один из них приказал привести корчмаря из Лавно – деревни, расположенной по соседству. Через час притащили старого лупоглазого еврея, вручили тугой мешочек с монетами, толмач разъяснил задачу – срочно найти мастера-каменотеса, чтобы на большом валуне выбить памятную надпись о переправе шведской армии и о чудесном спасении короля. Написали бумагу с текстом «Karolus XII Rex...», снабдили ей корчмаря, указали место на берегу – немного в глубине леса, на холме, чтобы камень не подмыло водой во время разлива Немана. Затем войска двинулись на Гродно, оставив после себя черные глазницы кострищ и разоренные деревни...

Весть о приближении врага уже достигла города над Неманом. Среди союзников Петра началась паника. Услышав о переправе шведов, польский король Август II, уже неоднократно битый ими, трусливо бежал, прихватив в качестве эскорта не только всю саксонскую кавалерию, но и большую часть русских драгунских полков.

Ослабленная русская армия генерального сражения дать не могла, а брать штурмом хорошо укрепленный город, готовый сражаться до конца, Карл не решался. Скаты бастионов и валов Гродно были политы водой и обледенели, кроме того, для решительного штурма у шведов не доставало артиллерии, часть которой потеряли во время переправы. Карл расположился в местечке Каменка, затем перенес свою ставку в Желудок, блокировав гродненскую крепость кавалерийскими подразделениями и призвав русских к Неману. Запасы продовольствия и фуража в Гродно быстро иссякали, вскоре от бескормицы пали почти все лошади...

Из-за наступившего голода русским войскам пришлось оставить крепость. Им удалось, потопив в Немане пушки, перед самым началом весеннего ледохода переправиться на противоположный берег реки и уйти на юг, к Бресту, и далее к Киеву. С собой унесли более трех тысяч боль-

ных и раненых русских воинов. Армию сохранили, чтобы набраться сил и побить шведов под Полтавой. Так Карл XII с войсками вошел в Гродно.

Вскоре шведскому королю доложили, что на месте злополучной переправы, на прибрежном холме, уже поставлен камень-знак в память о его чудесном спасении. Ожидая, пока окончится ледоход на Немане, чтобы двинуться в погоню за ускользнувшей из гродненской мышеловки русской армией, король решил съездить на охоту, а по пути осмотреть памятник. С трудом нашли это место, Карл молча постоял у валуна, вышел к берегу, уныло посмотрел на реку. В этот момент он понял, как много трудностей ожидает его в этой войне с Россией...

Вскоре, в 1708 году, в Гродно опять вошла русская армия. Пётр, помня уроки, данные ему Карлом, отправил кавалерийский корпус, чтобы, как снег на голову, свалиться на шведов, окружить и пленить шведского короля. Карл, ночевавший в Доминиканском монастыре, чудом избежал плена. Когда большинство солдат его личной охраны было перебито русской кавалерией, за шведского короля вступились вооруженные горожане, уставшие от тягот войны. Они отбили его у русских солдат. Армия Карла XII была еще сильна, гродненцы надеялись, что она защитит город от новой волны контрибуций и грабежей очередных победителей. Фортуна опять улыбнулась шведскому королю на Гродненщине, но уже в последний раз: впереди Карла XII и его армию уже ждала Полтава. Удача шведского властелина оказалась закопанной в белорусской земле, в лесу у деревни Ковши, ныне Ковшово, на берегу реки Неман.

Прошло много лет, ушло в небытие немало поколений жителей Принеманья. Сначала еще жива была память о памятнике, вскоре, однако, о нем забыли. Холм зарос деревьями, кустами можжевельника. Камень покрылся мхом, постепенно уходя в землю. Несколько раз, в годы сильнейших разливов, до него доходила вода, оставляя за собой новые слои грязи. Камень уже лежал на боку, когда его случайно нашли местные жители. Они удивились трудноразличимым непонятным письменам, попытались искать клад под камнем. Спихнули его в вырытую рядом яму. Потом опять про него забыли. Последним, кто видел шведский памятник, был дед Степаных Севенко – древний старик из деревни Мазаново. Он уже не мог показать место, где в молодости, когда работал «парабкам» у ковшовского пана Мозолевского, видел камень. Тогда, возвращаясь с работы напрямиком через лес в свою деревню, он наткнулся на памятник, лежащий надписью вверх на поросшем мхом и вереском песчаном холме. Дед не верил в клады, камень трогать не стал. Вскоре началась Великая Отечественная война, он хлебнул горя в немецких шталагах, а когда вернулся – было не до камня, нужно было подымать семью...

Развалины панского дома были в стороне от деревни, у кромки леса на берегу реки. Напротив виднелся покатый спуск берега у деревни Миневици. Наши солдаты в лесу копали окопы на гряде холмов чуть поодаль от берега и готовились форсировать Неман. Песок легко брался на лопату – работа спорилась. Вдруг заступ заскрежетал – попался большой камень. Обкопали его стороной, некогда было разглядывать. Скоро в бой, на реку. На том берегу – немцы, нужно захватить плацдарм. Разослали на камне карту, уточнили задачу, и в бой. Плацдарм взяли. Шестеро выживших смельчаков были представлены к званию Героя Советского Союза, другие погибли, форсируя реку, в том же месте, где потонули шведы за два с половиной столетия до них. Древний Неман вновь взял свою кровавую дань...

Спасибо за Победу, ветераны!

Поклон вам низкий, наши ветераны!
Фронтовики – вы гордость всей страны,
Бойцы, подпольщики и партизаны,
Храните вечно память той войны.

Вы пережили трудности и беды,
Фашистов лютых одолеть смогли,
Спасибо, что дожили до Победы,
От Волги до Берлина вы дошли.

Берут пример с вас правнуки и внуки,
Держа равнение в воинском строю.
И автомат сжимают крепко руки:
– Мы защищаем Родину свою!

Спасибо за Победу, ветераны!
И пусть давно закончилась война,
И на земле уже зажили раны,
Носите гордо ваши ордена!

